

Стратификация литературной нормы

ОЛЬГА А. ЛАПТЕВА
(Москва)

Если принять постулированную Э. Косериу (1963) триаду „система – норма – узус”, а в свете новых исследований литературных языков она оказалась плодотворной как для диахронии, так и для синхронии то можно увидеть, что не все ее члены определены и разработаны на материале различных литературных языков в равной мере. Теория русского, да и других славянских языков развивалась в последние десятилетия при особом внимании к фактам разговорной речи в целом, которые, в отличие от фактов письменно-литературной речи, достаточно изученным, собранным и исследованным, все еще подлежат обнаружению, накоплению и осмыслению.

Естественно, в первую очередь такие факты проявляются в своих системных характеристиках. Именно по этой логике и строятся основные коллоквиалистические исследования последнего времени. В них наблюдаемые в узусе факты представляются со стороны их системных свойств, причем это делается, осознанно или не осознанно, разными способами – строятся системные модели специфически разговорных фактов и только их или их в совокупности с фактами общелитературными. Первым способом моделируются факты в исследованиях по русской разговорной речи Е. А. Земской (1973), О.А. Лаптевой (1976) и др., вторым – в исследованиях О.Б. Сиротиной (1974) и др. Системные же свойства, хотя и устанавливаются на материале фактов в различном синтагматическом окружении, проявляются прежде всего в парадигматических отношениях этих фактов, а синтагматика остается за пределами этих отношений. Тем самым система оказывается

наиболее высоким уровнем моделирования (и реального существования) отношений языковых единиц.

Другой маргинальный член триады – узус – это область безграничных возможностей сочетаний языковых единиц друг с другом. Эти сочетания корректируются системой языка, но в пределах разрешаемого ею они возникают вновь и вновь в речевой деятельности, которая ситуативна и в этом противоположна долговечным парадигмам. Синтагматические отношения языковых единиц наиболее быстро откликаются на действие суммы факторов, предопределяющих языковые изменения. Есть исследования, показывающие закрепившийся результат изменения сочетаемости слов не только за период жизни одного поколения носителей языка, но буквально за несколько лет. Благоприятные условия для этого создаются тогда, когда в одной точке сходятся выход данной сочетаемости за рамки употребления в узкой и однородной социальной, возрастной, профессиональной или просто дружеской, семейной среде и тем самым расширение его распространенности (это может произойти и из-за изменений в реальной действительности, и из-за языковой моды, и из-за пристрастий журналистов, и из-за стремления говорящего сообщества к росту экспрессивности, что обычно сочетается с социальными изменениями, и из-за роста влияния социально-групповых диалектов, а иногда и просто из-за необъяснимых причин), вкусовое принятие этой сочетаемости языковым социумом, „захват” ею обеих сфер литературного языка – устной и письменной. В таких условиях синтагматика приобретает способность влиять на парадигматику и из горизонтального плана языковых отношений переходит в вертикальный.

Уже из сказанного ясно, что понятие узуса оказывается шире понятия системы, потому что система – вся! – функционирует в узусе, узус же к ней добавляет синтагматику. Это значит, что при функционировании системы действует некоторый добавочный коэффициент, который может носить характер добавочного семантического или прагматического смысла, а может просто следовать из контекста или конситуации. Этот добавочный коэффициент и позволяет узусу питать изменения системы, доставлять ей для этого избыточный, дополнительный материал, создающий область вариативности. Это предопределяет процесс языковых изменений. Узус позволяет окказионализму, единичному употреблению пройти путь до факта системы языка. Количественное наращение переходит в качественную инновацию. Итак, мы видим, что по всем этим параметрам маргинальные члены триады – систе-

ма и узус – противоположны. Что же прибавила коллоквиалистика к пониманию их свойств?

Для системы литературного языка она нашла, обосновала и показала наличие некоторых ранее неизвестных парадигм. Но это не простое количественное суммирование. Эти найденные парадигмы вступают в системные отношения не только с другими парадигмами литературного языка (вспомним сказанное вначале о построении совокупных общелитературно-разговорных моделей), но и друг с другом (вспомним о построении специфически разговорных моделей). Получается

некоторая система систем, каковою и является литературный язык. В свою очередь эта система систем является лишь частью более широкой системы систем, какую представляет собою язык национальный. Подобный результат позволяет отказаться от плоскостного, одномерного понимания языковой системы, которое нередко ведет к бесполезным дискуссиям (можно сослаться на непроясненные – и непроясняемые в принципе – споры о языковом или речевом характере функциональных разновидностей литературного языка и их соотношении с системой разговорной речи или спор о том, является ли разговорная речь особым языком). Тем самым он дает возможность на иных основаниях, чем ныне принято в функционально-стилистическом методе (здесь берутся в расчет преимущественно экстралингвистические критерии), подойти к вопросу о соотношении разновидностей литературного языка, а именно – исходя из соотношения их подсистем (систем) в единой целостной системе литературного языка. В конечном счете это вопрос внутриязыковой синонимии. Если это так, то открывается возможность внести существенные коррективы в интерпретацию (моделирование) состава и структуры литературного языка, то есть в дисциплину „теория литературного языка”.

А что прибавила коллоквиалистика к пониманию свойств речевого (языкового) узуса? Конечно, большую сумму новых, ранее не встречавшихся в научном обороте контекстов и употреблений, сочетаний и вообще реализаций грамматических связей. Это – количественное прибавление. Но на нем вырастают – в узусе же! – системные новации.

Разговорные материалы показывают также, как буквально на наших глазах синхрония смыкается с диахронией. И именно в узусе осуществляется воздействие социально-личностных факторов на речь, язык и языковую систему. Узус и прежде всего он из членов триады меняется с жизнью общества, он может непосредственно откликаться на изменения в отноше-

ниях разных групп языкового социума, на социальную стратификацию в ее становлении и развитии. Это может происходить более или менее медленно. Когда эволюционное состояние развития общества консервируется, замедляются и узувальные изменения языка, когда оно приобретает черты революционности, эти изменения ускоряются. Думается, что когда говорят о вульгарно-материалистическом понимании характера взаимодействия языка и общества, то видят основание для такого суждения в непропорциональном распространении узувальных процессов и характеристик на системные. В отношении же узуса наличие такого воздействия со стороны общества на язык несомненно. В этом не сомневался уже Ш. Балли (1955).

Теперь мы можем констатировать, что „система” исследована в языковедении наиболее полно, „узус” продолжает исследоваться, и возможности этого процесса безграничны. Что же касается среднего члена – „нормы”, то его исследование и описание застыло в том состоянии, которое предшествовало эпохе расцвета коллоквиалистики. А между тем это центральный вопрос теории литературного языка.

Обратимся же непосредственно к *норме*. Вернемся к Э. Косериу. Если, согласно его мысли, система – это совокупность языковых явлений, которые могут быть представлены в виде сети противопоставлений, то норма – это совокупность языковых явлений, которые выступают в виде общепринятых (традиционных) реализаций. При этом системные явления выполняют определенную функцию, а нормативные – нет, если не считать функциональной нагрузкой противопоставление одной нормы (системы реализаций) другой. Норма есть устойчивое состояние (равновесие) системы на данном синхронном срезе. Все последующие исследования нормы как языкового феномена основывались на письменных текстах (кроме фонетической нормы). Это понятно. Например, в русистской кодификаторской практике разработка явления нормы основана на огромном корпусе зафиксированных в письменном виде текстов разной функционально-стилевой принадлежности, составляющих культурное языковое накопление долгого времени, хотя речь и идет о синхронии. К настоящему времени все исследователи свойств литературной нормы соглашались с тем, что норма существует как равнодействующая коллективного языкового сознания, как некий эстетический закон, накладывающий функциональные ограничения на систему. Это – система идентификаций, а не оппозиций, не структуры (ср. *Синтаксис...* 1974, Горбачевич 1978).

Постулируется пять характеристик нормы: устойчивость, распространенность, соответствие системным возможностям языка, авторитет источника, общественная оценка. Если языковое явление отвечает этим характеристикам, оно признается нормативным. Обобщая эти характеристики, можно говорить о трех ведущих признаках нормы: 1) массовая и регулярная воспроизводимость явления, 2) его соответствие системе, 3) его общественное одобрение. При этом первый признак принимается с оговорками, поскольку распространенной может быть и ошибка. Соотношение системы и нормы в синхронии и диахронии различно: в диахронии норма внесистемна и не имеет истории, она воплощает описание языка, а система – его реальную эволюцию. В синхронии наоборот: система воплощает аспект описания, а норма – аспект эволюции.

Вариативность нормы рассматривается как неперенный атрибут живого, развивающегося литературного языка. В узусе происходит постоянная борьба вариантных слов и форм за право победить на поприще нормативности. Наиболее употребительные и принимаемые общественным вкусом варианты формируют норму. Это происходит в функционирующем языке, то есть в функциональных разновидностях литературного языка. Неизбежно возникает вопрос: есть ли у них своя норма? Если ответить на него положительно то норма литературного языка окажется системой норм его разновидностей. Тогда следует признать изоморфизм явлений „норма – субнорма” и „система – суб (под) система”. Это признается чешской лингвистикой, которая делает и следующий шаг – признает, что категория нормы никоим образом не ограничена и не связана только с литературным языком.

Если следовать идее изоморфизма обозначенных рядов „система – норма”, то возникает вопрос и о общенациональной (общенародной) норме, которая окажется суммой наиболее общих явлений литературной нормы в системе ее субнорм и диалектных норм.

Возникновение и развитие русской коллоквиалистики неизбежно ставит вопрос о разговорной (литературной!) норме. Однако в русистике его обсуждение почти полностью отсутствует. Подводя предварительные итоги сказанному, мы можем констатировать, что приписывание норме только предписывающего характера недостаточно. Теория нормы требует ее осмысления по крайней мере в следующих аспектах:

1. Характер ее вхождения в триаду „система – норма – узус”. Неполное разграничение членов триады может повести в лексикографической прак-

тике, например, к тому, что новые слова, становящиеся предметом собирания в особых словарях, нередко оказываются за пределами литературной системы и нормы, оставаясь уделом только ограниченной сферы узуса. Н. Ю. Шведова (1966) показала, что для вхождения языкового элемента, нового для литературной системы, в ее состав, необходимы по крайней мере два условия: а) массовая и регулярная воспроизводимость этого элемента и б) приобретение им качественных свойств элемента системы.

2. Наличие нормы в разновидностях литературного языка неминуемо ставит вопрос о стратификации литературной нормы, о ее месте в теории литературного языка. До появления коллоквиалистики разрабатывались временные и социальные варианты нормы, но не учитывалась ее стратификация в связи с членением литературного языка на разновидности. Впрочем, это и неудивительно – ведь и сами эти разновидности, например, для русского литературного языка, все еще не выявлены в своем окончательно установленном составе с полной определенностью. Само понятие функционального стиля так и остается спорным и не вполне однозначным в своих конститутивных характеристиках. Остаются невыясненными типы литературной нормы и их иерархическая организация. Неясны факторы, определяющие принадлежность явления именно к литературной норме, то есть не выяснено, каким должно быть отклонение от нее, чтобы оно перестало быть нормативным.

3. В теории литературного языка принимается, что норма является его неотъемлемым качеством. Но если таким качеством обладает и национальный язык, то следует разработать вопрос о том, как организована система его норм и как она соотносится с системой норм литературных. Здесь первоочередным вопросом является вопрос о признании или непризнании существования диалектной нормы. Видимо, свойства такой нормы, если ее признать (а не признать ее трудно, потому что следование образцам происходит и в диалектном социуме), окажутся отличным от свойств литературной нормы. Разработка этого вопроса будет способствовать лучшему пониманию природы разговорной (литературной) нормы, потому что у устной диалектной и литературной речи много общего.

4. Поскольку литературный язык функционирует обычно в условиях некоторой территориальной протяженности (на больших территориях, как у русского литературного языка, это особенно отчетливо видно), возникает вопрос о существовании у него территориальных вариантов. Не все исследователи признают их. Задача выявления и описания такого рода отступ-

лений от кодифицированной нормы остается открытой. Для нашей темы она важна в том отношении, что факты вхождения, например, в русскую орфоэпическую норму региональных отклонений, чрезвычайно широко сейчас распространенных в связи с общественными процессами, в том числе с миграцией населения, требуют своего осмысления и квалификации.

5. С открытием системных свойств устной литературной речи, с возникновением узаконенности устных сфер литературного речеупотребления особенно остро встает вопрос о самом наличии и характере устной литературной нормы. Напрямую, эксплицированно этот вопрос исследователями разговорной речи не ставился. Это произошло, видимо, потому, что норма как явление понимается в современной лингвистике в плане ее кодифицирующего качества. Однако несмотря на существование по крайней мере нескольких сфер публичного, официального функционирования устной литературной речи (научная, публицистическая, телевизионная, радио-), обладающей свойством спонтанности (в отличие от той устной литературной речи, которая является воспроизведением соответствующего письменного текста), видимо, можно говорить в этом случае, так же, как и в случае разговорной речи, о **некодифицированной норме**. Такая норма базируется на системных свойствах разговорной и вообще устной литературной речи. Возникает она в узусе и потому может быть названа **узуальной**. Это означает появление нового члена оппозиции (и возникновение самой бинарной оппозиции) в категории нормы, то есть иное, чем сейчас, понимание ее ведущих свойств – не как равноправных, но как выстроенных в некоторую иерархию, где одни свойства являются общими для всех разрядов нормы, а другие принадлежат лишь ее отдельным разрядам. Оппонентам, которые усомнятся в существовании устно-литературной и в частности разговорной нормы, можно возразить, что если эти сферы устной речи входят в состав литературного языка, значит, они должны обладать его категориями, и в их числе – нормой.

Рассмотрим преломление обозначенных выше трех ведущих признаков нормы в устно-литературной и разговорной норме. Первый признак – массовая и регулярная воспроизводимость явления – общий для письменно-литературной и устно-разговорной норм. Второй – соответствие языковой системе – здесь представлен своеобразно, а именно: устно-литературное (разговорное) средство не всегда входит в общелитературную систему, а поэтому и не всегда соответствует ее возможностям, но всегда – возможностям устно-литературной (разговорной) системы. Третий – общественное признание и

подтверждение авторитетами – не существует здесь в том смысле, что это оценка кодификатора, но существует в другом смысле – как **неосознанное общественное принятие возможностей узуса**.

В устно-литературной речи много нерегулярного, невоспроизводимого, окказионально-индивидуального, случайного, что, конечно, нормой не является. Но такие явления есть и в письменно-литературной речи, например, в газетно-журнальной. Что касается собственно нормативных явлений, то здесь представлены такие разряды норм: общелитературные и книжно-письменные кодифицированные, которые часто пребывают здесь в колебательном состоянии; узуальные устно-литературные (в основном монологические) и узуальные устно-разговорные (монологические и диалогические).

Можно было бы предположить, что свойство вариативности нормы усилено в устно-литературной норме по сравнению с книжно-письменной. Однако положение осложняется тем, что свобода в употреблении языкового средства сдерживается усилением речевого автоматизма в этом типе речи. Эти полярные качества составляют парадокс устно-разговорной и вообще устно-литературной нормы. С одной стороны, здесь наблюдается произвольность в выборе говорящим готового, типизированного в речевом употреблении языкового средства, что сокращает сферу действия синонимии. С другой стороны, здесь легко осуществляются отступления от кодифицированных нормативных средств, которые нередко предстают как слабооформленные, демонстрирующие большую свободу в формировании речевых моделей. Все это повышает роль фактора узуальности, который становится решающим и может вовлекать в сферу действия нормы и несистемные в пределах общелитературной и книжно-письменной систем (но системные для устной литературной речи) явления. Возрастает и **колебательное состояние** нормы. Это касается всех разрядов норм устной литературной речи.

Выше мы говорили о роли узуса в языковой эволюции. Норма также вовлекается в этот процесс, поскольку фактор узуса для нее решающий в устной речи, которая, по Л. В. Щербе, и является кузницей языковых изменений. Различить нормативное и ненормативное в узусе не так просто. Например, семантическая сфера слова достаточно подвижна во времени, и порой ее нелегко описать лексикографически. Сильно колеблется глагольное управление, закономерности сочетаемости слов, фонетика.

Колебательность нормы шире вариативности. Вариативность – это нормативность нескольких идентичных языковых средств, из которых в узусе может быть произведен выбор. Колебательность включает вариативность, а кроме того допускает возможность изменения самой структуры нормативного явления, его узаконенного облика, то есть отступления от нормы. Такое отступление может происходить в широком диапазоне – от пределов нормы до ошибки. Это шкала с большим количеством ступеней, где неуловимое колебание стандарта переливается в недопустимую погрешность. Легкие отклонения не противоречат норме, недопустимые вступают с ней в противоречие. Это – в кодифицированной норме.

В узуальной же шкала колебательности создается за счет отступлений от узуса. Нарушение автоматизированной нормы может быть в пределах узуса, и тогда оно остается незначительным. Если же оно выходит за эти пределы, то возникает или индивидуальное речепотребление, или речевая ошибка. Последнее наблюдается тогда, когда отступление противоречит возможностям и общелитературной, и устно-литературной систем. Такая ошибка может возникнуть по двум причинам – из-за неумения или незнания и как отражение складывающейся в устной речи языковой тенденции, которая еще не нашла общепринятого формального, системного выражения. При этом ошибка с точки зрения кодифицированной нормы может не быть ошибкой с точки зрения нормы узуальной.

Колебательное состояние литературной нормы усугубляется наличием в ней региональных вариантов. В их существовании сказывается историческая разнородность диалектной основы национального языка, что присуще многим национальным, в том числе славянским, языкам. В различных областных центрах существуют стойкие, преимущественно фонетические, особенности, в полной мере охватывающие речь местной интеллигенции, давно оторвавшейся от диалекта. Эти особенности настолько прочны, что, как правило, не разрушаются в течение всей жизни их носителя, даже если он уже давно живет в центральных городах.

Во времени колебательные состояния норм могут вести себя по-разному, обычно замедляясь в стабильные периоды жизни общества и ускоряясь и усиливаясь в периоды бурного развития и революций.

Таким образом, норма, являясь средним членом триады, испытывает воздействие и обнаруживает родство и с правым и с левым членом. Консерватизм нормы идет от консерватизма языковой системы, а вариатив-

ность и колебательность – от узуальности. Эти ее свойства отражают свойства правого и левого члена.

В заключение – маленький пример. Русское языковое сообщество сейчас переживает период ускоренных изменений. Это сказывается и на стабильном качестве нормы: оно ослабляется. В основе этого лежат сложные процессы смешения и смещения социальных слоев и перемещений населения. Итогом этого являются быстрые сдвиги в былой сфере „отстойника” нормы – устных средствах массовой информации. На наших глазах буквально в течение двух-трех лет изменилось соотношение акцентных вариантов *обеспчВние – обеспечВние*: запрещенный орфоэпической нормой второй вариант широко вошел в телевизионную, в том числе дикторскую и журналистскую, речь и составил конкуренцию первому варианту. А в паре *одновременнo и одноврВменно* (второй член – допустимый вариант) члены поменялись местами: в сферу нормативного заповедника – в дикторскую и журналистскую речь второй член вошел как основной, первый же стал допустимым. Об этих изменениях свидетельствует узус и распространенность вариантов.

Литература

- Балли Ш., 1955, *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва.
Горбачевич К. С., 1978, *Вариантность слова и языковая норма*, Ленинград.
Земская Е. А., 1973, *Русская разговорная речь*, Москва.
Косериу Э., 1963, *Синхрония, диахрония и история. - Новое в лингвистике*, вып. 3, Москва.
Лаптева О.А., 1976, *Русский разговорный синтаксис*, Москва.
Сиротинина О.Б., 1974, *Современная разговорная речь и ее особенности*, Москва.
Синтаксис и норма. М., 1974.
Шведова Н.Ю., 1966, *Активные процессы в современном русском синтаксисе*, Москва.
Jedlička A., 1974, *Spisovný jazyk v současné komunikaci*, Praha.

The Stratification of Norm in a Literary Language

The authoress considers the triad of „system - norm - custom” in the light of research into colloquial language. She presents the stratification of norm and its division into

Stylistyka III

codified and customary ones. She looks into the consequences of postulating for a system of subnorms, consisting of functional modifications. The authoress also undertakes an attempt to explain the mechanism of language changes as well as distinguishes the norm variation (in the codified norm) and their oscillations (in the customary norm).